

Теоретические подходы к чрезвычайному положению в период COVID-19

Аннотация. В начале 2020 года государства обратились к чрезвычайному положению как к «крайней мере» в установлении контроля. Этому предшествовал исключительный случай – стремительное распространение вируса SARS-CoV-2 (или COVID-19), который нарушил существующий консенсус в социально-политическом измерении, вынудив государство обратиться к институту чрезвычайного положения для нормализации ситуации.

Принимая во внимание распространенность чрезвычайного положения в период пандемии, в статье рассмотрен подход Карла Шмитта, известного немецкого политического философа, теоретика чрезвычайного положения. Обращаясь к категориальному аппарату, предоставленному им в трудах «Диктатура» и «Политическая теология», авторы проанализировали вопросы установления режима чрезвычайного положения в Казахстане. Акценты сделаны на ключевые вызовы, стоящие перед государством во время введения чрезвычайного положения, среди которых можно выделить вопросы законности, соответствия идеалу, эффективности. Проведенный анализ показывает, что введение режима чрезвычайного положения 2020 года с точки зрения подхода Карла Шмитта не только не встретило возражений среди населения, но и подтвердило роль президента как суверена в политико-философском смысле.

Ключевые слова: Казахстан, чрезвычайное положение, суверен, COVID-19, политическая философия.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-6887/2022-139-2-101-115>

Поступила: 27.01.2022 / Одобрена к опубликованию: 14.04.2022

Введение

На сегодняшний день политическая стабильность демократий с соблюдением законов и прав человека оказала влияние и на политическую теорию, которая вынуждена была адаптироваться к государственным институтам и забыть о феномене чрезвычайного положения, зачастую к нему обращались лишь в случае техногенных катастроф или террористических атак. В таких случаях чрезвычайное положение вводилось на определенный срок и было направлено на установление порядка, эвакуацию/спасение граждан и редко становилось объектом исследования с политико-философской точки зрения, предметом изучения обычно были свобода слова и эффективность властей. Взгляды политических философов и теоретиков редко поддаются проверке, и к сожалению, COVID-19 послужил ярчайшим примером демонстрации сложности феномена чрезвычайного положения, введенного почти всеми странами мира.

События, вызванные пандемией COVID-19, вызвали интерес в первую очередь у представителей социо-гуманитарных наук. Введенное чрезвычайное положение повлекло за собой политологическую рефлексию, и в современном академическом дискурсе подход Карла Шмитта снова оказался актуальным. Так, К. Коррадетти и О. Полличино, говоря о пандемии, задаются вопросом: «Меняет ли пандемия Covid-19 конституционно-властные структуры наших демократий?» [1]. К. Сарцани считает, что пандемию можно сравнить с террористической угрозой, которая требует исключительных мер и быстрого реагирования, тем самым рождая милитаристическую риторику [2]. По мнению Т. Гамкрелидзе, в период

чрезвычайного положения государство сталкивается с проблемой формирования «гибридной демократии», когда функционал демократических институтов ограничивается на неопределенный срок[3]. Большая часть исследований феномена чрезвычайного положения так или иначе затрагивает подход К. Шмитта и Дж. Агамбена[4].

Теоретиков чрезвычайного положения весьма часто обвиняют в нападках на либерализм и политические свободы, что вызвано теоретической неопределенностью. Как утверждает Дж. Агамбен, до настоящего времени в гуманитарной науке нет полноценной теории чрезвычайного положения, а юристы и теоретики публичного права предпочитают видеть чрезвычайное положение как *quaestio facti* (вопрос факта) [5]. Отсутствие такой теории объясняется сложностью чрезвычайного положения, находящегося на пересечении политики и юриспруденции: чрезвычайное положение – это форма того, что по определению не может иметь юридической формы. Неожиданные обстоятельства бросают вызов устоявшимся законам и порядкам, требуя от государства действий за пределами установленных норм, тем самым создавая новую норму. Эти обстоятельства вынуждают чувствовать «недоверие» по отношению к чрезвычайному положению [6]. Именно в подобном ключе рассуждает К. Шмитт, известный правовед и политический философ, чья спорная биография, по мнению М. Шанталь, не должна отталкивать исследователей от изучения его трудов и взглядов [7]. Ценность подхода К. Шмитта заключается в анализе внешней стороны порядков, выходящих за пределы нормального.

Таким образом, целью нашей статьи является рассмотрение чрезвычайного положения в Республике Казахстан в период пандемии COVID-19 с точки зрения политической философии. На наш взгляд, инструментарий, предложенный К. Шмиттом, является оптимальным по нескольким причинам:

1. Рассмотрение чрезвычайного положения как пересечения юридического и политического в государстве;
2. Повышенное внимание к роли суверена и суверенитета в период чрезвычайного положения;
3. Понимание чрезвычайного положения с точки зрения политической философии, без существующих на сегодняшнее время негативных коннотаций.

Эти три причины показывают, что политический подход К. Шмитта не только актуален, но и позволяет проанализировать чрезвычайное положение не как кризис демократического государства, а как важнейший элемент государственного онтоса.

Таким образом, в настоящем исследовании были поставлены следующие **задачи**:

1. Изучить концептуальные особенности феноменов «чрезвычайное положение» и «суверенитет» у Карла Шмитта;
2. Выявить роль государства в чрезвычайном положении;
3. Оценить вызовы, возникшие перед государством в период чрезвычайного положения в Республике Казахстан;
4. Рассмотреть коммуникацию представителей государственной власти в период чрезвычайного положения;
5. Выявить аргументацию и особенности режима чрезвычайного положения в Республике Казахстан.

Методы исследования

В ходе работы использованы методы исследования, позволяющие изучить современное понимание феномена чрезвычайного положения и выявить его особенности в период пандемии COVID-19.

Метод системного анализа направлен на исследование отдельных структурных элементов чрезвычайного положения, выявление и систематизацию закономерностей и тенденций.

Метод сравнительного анализа данных позволил выявить различия в понимании феномена чрезвычайного положения среди исследователей.

Исторический метод был использован для изучения концепта чрезвычайного положения в контексте XX века.

Качественный метод исследования позволил выявить особенности аргументации представителей государственной власти Республики Казахстан в вопросе введения чрезвычайного положения

Обсуждение и результаты

«Диктатура» и «чрезвычайное положение» за пределами этики

Наиболее серьезная попытка описать чрезвычайное положение была принята К. Шмиттом в трудах «Диктатура» и «Политическая теология». «Если государство обладает демократической конституцией, то любой происходящий при исключительных обстоятельствах отказ от демократических принципов, любой акт государственной власти, осуществляемый без согласия большинства, может быть назван диктатурой», - отмечал К. Шмитт в предисловии к изданию 1921 года его одноимённой работы [8, 52 стр.]. В «Диктатуре» К. Шмитт рассматривает историю диктатуры без существующих на сегодняшний день негативных коннотаций, ссылаясь на опыт Римской Империи. В Риме диктатура вводилась в периоды волнений, а диктатор был обязан восстановить порядок и после сложить полномочия и уйти с политической арены (обычно диктатор назначался на срок 6 месяцев) [8, 58-59 стр.].

М. МакКонки полагал, что такой диктатор обязан восстановить порядок и имеет на это все возможные права: суверенная власть создает условия свободы и безопасности для всех остальных и потому она имеет легитимность действовать в целях своей защиты, чтобы сохранить условия, заложенные в общественном договоре [9]. В свете вышесказанного диктатура – это не вопрос «блага» или «зла», это техника власти, которая в силу своей чрезвычайности связана с вопросом существования государства и дальнейшим его функционированием. Можно заметить, что для К. Шмитта диктатура не является чем-то ужасным и негативным, это лишь «переходный период» между сложившимися обстоятельствами, несущими угрозу, и дальнейшей нормализацией. С развитием данного подхода идея «диктатуры» и «осадного положения» у Шмитта отходит на второй план, соединяясь в концепт «чрезвычайного положения», описанного в «Политической теологии».

Уже в «Политической теологии» К. Шмитт пытался описать сам феномен чрезвычайного положения и совместить его с феноменом суверенитета. Чрезвычайное положение – это место, где норма применения закона расходится с установленной нормой в обществе, вынуждая государство сформировать новый порядок для восстановления верховенства закона, власти и возврата до-чрезвычайных порядков. Упреждая обвинения в создании области «чистого насилия», на манер естественного состояния Т. Гоббса, Шмитт пишет, что в чрезвычайном положении нет «личных интересов» - борьба ведется за определение «общего интереса», где каждая сторона имеет собственное понимание блага, и суть конфликта – определение того, что оно (благо) из себя представляет [10]. К. Шмитт считал, что чрезвычайное положение есть «нечто иное, чем анархия и хаос», - государство в нем доказывает собственное превосходство над нормой, т.е. возможность сопротивляться событиям и реагировать на них. Это выражается в реализации высшего права – права на

самосохранение: «В исключительном случае государство приостанавливает действие права в силу, как принято говорить, права на самосохранение» [8, 25 стр.].

Присутствие чрезвычайного положения в конституции, его масштабы и юридическое обрамление говорят о том, что оно предусматривается не только юридически, но и политически, тем самым есть возможность избежать каких-либо обвинений в абсолютизме. Прослеживая историю чрезвычайного положения, Дж. Агамбен показывал, что оно есть «создание демократическо-революционной традиции, а не абсолютистской». Следовательно, чрезвычайное положение – это не крах демократических институтов, это концепт, который выходит за пределы понятия «демократия», «абсолютизм» или «тоталитаризм» [2].

Как итог, одним из ключевых концептов в чрезвычайном положении является исключение, т.е. противоположность нормы. Для К. Шмитта оно играет важную роль, поскольку «исключение интереснее нормального случая. Нормальное не доказывает ничего, исключение доказывает все; оно не только подтверждает правило, само правило существует только благодаря исключению» [8, 28 стр.]. Таким образом, конфликт между нормой и чрезвычайным положением снимается через решение, которое создает новую норму либо возвращает к старой.

Вопрос о том, имеют ли полномочия (и моральное право) представители власти вводить чрезвычайное положение является дискуссионным. С одной стороны, Дж. Агамбен пишет, что именно введение чрезвычайного положения служит основой для современных тоталитарных режимов и указывает, что в период нацистской Германии чрезвычайное положение длилось с момента её основания до полного распада, и современные демократии пребывают в режиме «вечного чрезвычайного положения», которое выгодно политикам [5, 2 стр.]. Примером тому может послужить рассуждения Б. Гулли, который считал, что суверен в современных реалиях не является единоличным правителем. Свою идею он подкрепляет реакцией истеблишмента США на введение чрезвычайного положения Дж. Бушем после теракта 11 сентября. Принятие решения сувереном не только утверждает его как политического актора, имеющего легитимность для реализации коллективной воли, но и как того, кто эту народную волю услышал, распознал, а в последствии реализовал [11].

Вышеперечисленные идеи можно систематизировать, разделив на три существующих подхода, весьма кратко описав их в таблице. В ней представлен сам К. Шмитт, Дж. Агамбен, развивающий его идеи уже будучи континентальным философом, и К. Шеппеле, которая является специалистом в области права. Труды вышеупомянутых ученых рассматривают чрезвычайное положение с диаметрально противоположных точек зрения, как можно видеть в таблице №1 «Подходы к пониманию ЧП».

Таблица 1. Подходы к пониманию ЧП

Ученый	Юридический аспект	Подход	Восприятие ЧП	Главная ценность
К. Шмитт	Выход «за пределы» закона	Консервативный, политический	Отсутствие у народа субъектности, «слепое принятие»	Сохранение государства
К. Шеппеле	Регулирование конституцией ЧП	Либеральный, юридический	Синергия государства, интеллектуалов и масс	Верховенство права

Дж. Агамбен	Создание «новой нормальности», вечное ЧП	Философский, этический	Конфликт между государством и массами	«Норма» до введения ЧП
-------------	--	------------------------	---------------------------------------	------------------------

Субъектность народа как главный вызов для государства

Существенным недостатком подхода К. Шмитта является отказ в рассмотрении граждан как субъектов политики, и в идее, что чрезвычайное положение может подвергаться сомнению, он писал: «Отглядка на препятствующие права, на согласие третьих лиц, чьи интересы ущемляются, учет благоприобретенных прав, следования по инстанциям или возможности обжалования могут быть «противны сути дела», т.е. стать вредными и неправильными в ситуативно-техническом смысле» [8, 74 стр.]. Это можно воспринимать как демонстрацию тоталитарных взглядов К. Шмитта, но как считает П. Костогрызов, эта лакуна – лишь подтверждение того, что теория Шмитта имеет границу применимости, и он ошибся лишь в том, что пытался «построить свою теорию как логически полную, дающую окончательные ответы на все вопросы, относящиеся к области политики и права» [12]. Для более тщательного рассмотрения феномена чрезвычайного положения в период пандемии необходимо буквально «вернуть» субъектность народу, т.е. рассмотреть его роль и связь с сувереном.

При рассмотрении народа как субъекта в политике, буквальном «возвращении ему субъектности» феномен чрезвычайного положения начинает восприниматься не как одностороннее декларирование «исключительного случая», а как политика властей, которая, как и любое рядовое принятие решений, должно быть объяснено, распространено и принято среди населения. Как отмечают Г. де Анжелис и Е. де Оливейра, чрезвычайное положение в период пандемии создает несколько «вызывающих тревогу» условий, которые могут негативно восприниматься населением, особенно в странах с демократическим строем. Среди них можно выделить: «Избыточные ограничения основных прав, таких как свобода передвижения... выражения, доступа к информации, организацию собраний, личную жизнь», а также «отсутствие юридической базы в случае чрезвычайного положения, особенно в странах, в чьих конституциях оно не оговорено» [13]. Таким образом, как юридические, так и социально-политические аспекты общества бросают вызов государству в период чрезвычайного положения.

Поскольку у суверена есть право и обязанность охранять государство и благо граждан, то в равной степени у граждан есть право и обязанность решение о чрезвычайном положении принять и подчиниться ему либо отвергнуть. Следовательно, один из вызовов для государства – это вопрос объяснения необходимости чрезвычайного положения. Именно потому власть должна не только объяснить причину ввода чрезвычайного положения, но и обосновать его, продемонстрировав заинтересованность в заботе о гражданах, обозначить собственное видение событий и в итоге указать срок действия чрезвычайного положения. При обыденном положении дел граждане редко встречаются с волей суверена; залогом гражданского общества является не «слепое повиновение», а критическое мышление, рефлексия. Они влекут за собой улучшение государственных процессов – это можно наблюдать в повседневном взаимодействии с органами государственной власти, где приказы не имеют ультимативный характер. Эти рассуждения приводят к тому, что у народа имеется субъектность как минимум потому, что он вправе это решение принять, либо отвергнуть.

Поскольку чрезвычайное положение вводится в интересах народа и государства, еще одним направлением, по которому должно работать государство, – демонстрация введения

чрезвычайного положения в соответствии с идеалами, доминирующими в государстве. Это также значит и необходимость показать, что решение есть «общее благо». Существует большая разница между обоснованием ввода чрезвычайного положения и соответствием идеалов, поскольку риторика действий «во благо народа» имеет двусмысленность, которую, как считал Дж. Агамбен, можно было увидеть во многих тоталитарных режимах 20-го века, начиная от евгеники и заканчивая газовыми камерами [5, 2 стр.]. Отсюда следует, что государство самим введением чрезвычайного положения должно продемонстрировать приверженность идеалам, главенствующим в государстве, не используя его в личных и корыстных целях (преследование оппозиции, клиентиллизм и т.д.). Преследование идеалов в чрезвычайном положении находит отклик в настроениях, присущих только человеку. Гражданами оцениваются вопрос целесообразности введения чрезвычайного положения оценивается, его способы реализации и меры.

Отсюда следует, что сам феномен чрезвычайного положения может казаться привлекательным для сторонников «сильной руки» в правительстве, но также несет себе и сложности, как минимум, потому, что государство как структура предпочло бы не сталкиваться с тем, что выходит за норму. Политические ставки в чрезвычайном положении высоки, поскольку де-факто ввести чрезвычайное положение означает взять полную ответственность за происходящее и будущее, «отдаваясь на суд» воле случая. В политическом смысле чрезвычайное положение – это тест для государства и политиков, который проверяет возможности системы к действию и степень её поддержки среди граждан. Отсюда следует, что целесообразность введения чрезвычайного положения, его мер и последствий можно оценить лишь тогда, когда чрезвычайное положение отменяется и возвращается ранее устоявшийся образ жизни.

Чрезвычайное положение в Республике Казахстан и основные тренды коммуникации власти и общества

Столкнувшись с пандемией COVID-19, власть как структура в Казахстане не только имело право, но и было обязано защищать своих граждан от пандемии и сопутствующих проблем, среди которых можно назвать коллапс здравоохранения, протестную активность, обеспечение безопасности граждан. Пандемия является вызовом для государства, угрозой, которая действует «изнутри» и не поддается классической «борьбе», поскольку не имеет телесности по сравнению с террористами. Эта особенность заставляет властей действовать превентивными и реактивными способами, с одной стороны, ограничивая, а с другой, запрещая некоторые виды деятельности и активности. Следуя обязанности защищать граждан, правительство столкнулось с биологической угрозой, которая сопровождалась вопросом принятия гражданами существующей политики: граждане могут не одобрять принятые меры, способствуя кризису государственного управления и легитимности.

Следовательно, перед государством были поставлены две цели: противодействие пандемии и обеспечение правильной, законной, и убедительной аргументации в вопросах политики противодействия. Именно вторая задача является сложной в политическом измерении, поскольку связана с растущей риторикой безопасности и ограничительных мер. Введение чрезвычайного положения как попытка стабилизировать ситуацию в вопросах противодействия пандемии создавало вопросы в сфере аргументации и законности с точки зрения оппозиционно настроенных граждан. Таким образом, государство должно было обеспечить соблюдение ограничений, их принятие. Поэтому важно рассмотреть аргументацию в соответствии с подходом К. Шмитта, чьи взгляды были описаны выше и выявить ключевые особенности.

На момент введения чрезвычайного положения перед правительством Казахстана были поставлены следующие задачи, обуславливающие коммуникацию и публичную политику в целом:

1. Обосновать введение чрезвычайного положения;
2. Продемонстрировать, что введенное положение соответствовало главенствующим идеалам в Республике Казахстан;

Введению чрезвычайного положения в Казахстане предшествовало усиление санитарных норм, создание межведомственной комиссии по координации мероприятий по недопущению возникновения и распространения коронавирусной инфекции, приостановление транспортных связей с различными странами, и 13 марта 2020 года были зарегистрированы первые случаи заражения COVID-19. Спустя 2 дня президент Республики Казахстан, Касым-Жомарт Токаев объявил о введении чрезвычайного положения с 16 марта 2020 года.

Не вдаваясь в содержание указа о введении чрезвычайного положения в Республике Казахстан (где в основном описывается порядок ограничительных мер), стоит рассмотреть риторику, обосновывающую его введение. Так, Касым-Жомарт Токаев 31 марта 2020 года заявил, что «Благодаря введению режима чрезвычайного положения нам удалось предотвратить неконтролируемое распространение вируса», тем самым, считая введенные ограничения оправданными [14]. Данное заявление можно расценивать как попытку объяснить сложившуюся ситуацию в стране и как демонстрацию благодарности от лица государства гражданам, которые приняли чрезвычайное положение и в дальнейшем должны действовать во благо общего интереса, который определен государством.

27 апреля 2020 года последовало еще одно заявление президента, где на этот раз уже постулировалась сама причина ввода чрезвычайного положения – «сохранение жизни и здоровья граждан». При этом власть также отметила, что единое понимание общего блага основано на рациональности, и потому, президент заявил, что «Опасность болезни преуменьшать нельзя... Коронавирус отличается повышенной заразностью и несет в себе серьезнейшую угрозу здоровью людей. Это признает практически весь мир». Послание завершается словами «Для меня нет ничего важнее жизни каждого соотечественника» [15], тем самым демонстрируется приверженность вышеупомянутым идеалам и биополитическая риторика.

Отдельно в этих заявлениях стоит выделить призывы граждан понять причины, побудившие к введению чрезвычайного положения, принять их и выполнять все требования. Так, в заявлении от 31 марта 2020 года президент Касым-Жомарт Токаев благодарит граждан за «понимание, спокойствие и выдержку», также заявил, что они должны «поддержать государство», проявив единство и сплоченность [14]. Такие же настроения можно заметить и в обращении от 27 апреля, где президент сообщил, что «с вашим заинтересованным участием мы сможем достичь всех поставленных целей» [15]. Точно так же выступил бывший президент Н.А. Назарбаев, призывавший граждан «выполнять все предписанные требования в условиях чрезвычайного положения», и «поддержать принимаемые меры, проявить единство, сплоченность и дисциплину» [16].

Оправданность введения чрезвычайного положения, как говорилось выше, представляет собой одну из задач, которую государство вынуждено решить в условиях растущей напряженности. Чрезвычайное положение в РК регулируется законом «О Чрезвычайном Положении», где оно определяется как «временная мера, применяемая исключительно в интересах обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя Республики Казахстан и представляющая собой особый правовой режим деятельности государственных органов, организаций, допускающий установление отдельных ограничений

прав и свобод граждан, иностранцев и лиц без гражданства, а также прав юридических лиц и возлагающий на них дополнительные обязанности»[17].

Фразы «в интересах безопасности граждан» и «защиты конституционного строя» демонстрируют саму сущность чрезвычайного положения в понимании К. Шмитта, т.е. защиту населения и государства. Более того, в соответствии с Сиракузскими принципами, подобная формулировка чрезвычайного положения считается избыточной, поскольку «стремление защитить здоровье населения может служить основанием для ограничения определенных прав, если государству необходимо принять меры по устранению серьезной угрозы здоровью населения или отдельных лиц»[18]. При этом, в соответствии с теми же принципами, закон оговаривает и срок действия чрезвычайного положения – 30 суток с возможностью продления на равный срок. Смысл введения чрезвычайного положения раскрывается в самом постановлении, где прямым текстом говорится: «в целях защиты жизни и здоровья граждан». Таким образом, государство обосновало введение чрезвычайного положения и параллельно проводило разъяснительную работу с гражданами, о чем свидетельствует использование волонтеров[19], отраслевых профсоюзов[20], полицейских[21], Ассамблеи Народов Казахстана[22]. Все эти действия направлены на информирование граждан об угрозе, которая послужила причиной введения чрезвычайного положения, а также об особенностях этого режима.

Угроза, представляемая COVID-19 (и которая была подтверждена в КНР), являлась аргументом для ввода чрезвычайного положения, как минимум, потому, что статья 31 Конституции Республики Казахстан гласит, что «Государство ставит целью охрану окружающей среды, благоприятной для жизни и здоровья человека»[23], как и в Стратегии «Казахстан-2050»[24]. Более того, в законе Республики Казахстан «О биологической безопасности Республики Казахстан» угрозой считается «выявление особо опасного инфекционного заболевания человека и (или) животных». Из этого следует, что целесообразность введения чрезвычайного положения была обоснована как юридически, так и идеологически, т.е. в соответствии с одним из главенствующих идеалов – обеспечения здоровья населения.

Соответствие введения чрезвычайного положения с программными заявлениями хоть и перекликается с обоснованием оно, но государство также было обязано продемонстрировать и следование раннее заданному курсу и установленным идеалам. Достаточно обратиться к конституции Республики Казахстан, которую бывший президент Республики Н.А. Назарбаев определял как «фундамент всей пирамиды государственного устройства. Мир и Согласие – это те ценности, ради утверждения которых в XVIII веке впервые была внедрена эта политико-правовая инновация. Конституция Республики Казахстан базируется на великих принципах свободы, стремлении к правовой гармонии и благополучию народа» [25]. Введение чрезвычайного положения означает следование конституции, даже несмотря на тот факт, что суверен находится выше закона, как считал К. Шмитт: суверен хоть и действует за пределами закона в период чрезвычайного положения, он все же должен действовать во благо общего интереса и блага, а не собственного. В противном случае граждане имели бы полное право воспринять действия суверена как угрозу ценностям, выраженным в конституции, впрочем, как и в сущности государства целом – суверен не должен нарушать общественный договор. Следовательно, в конституции и законе о чрезвычайном положении должны быть оговорены ограничения этого режима.

Конституция Республики Казахстан определяет народ как источник суверенитета, также гарантируются права и свободы человека, которые признаются «абсолютными и неотчуждаемыми», т.е. общественный договор в понимании Гоббса основывается на свободе, соблюдении прав и защите государства от любой дискриминации. Вопрос свободы

передвижения в Конституции присутствует, но примечательно, что он предусматривает исключение, о чем гласит отрывок «кроме случаев, оговоренных законом». Такая же формулировка присутствует и в статье 32, где оговаривается право на проведение собраний, митингов, демонстраций и т.д. Статья 39 гласит, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены в целях защиты конституционного строя, охраны общественного порядка, прав и свобод человека, здоровья и нравственности населения.

Не вдаваясь в юридические формулировки, достаточно обратить внимание на то, что в конституции упоминаются права и свободы, которые могут быть ограничены, и те, что ограничению не поддаются (невыдача граждан иностранным государствам, признание правосубъектности, равенство перед законом и судом, право на жизнь, личную свободу, достоинство, не-указание определенных данных, свободу совести, право иметь собственность). Таким образом, режим чрезвычайного положения не ограничивает эти основные права, за исключением свободы передвижения, проведения собраний, митингов, демонстраций, о чем и говорится в статье 15 закона о чрезвычайном положении. При этом вопрос карантина и иных мер оговаривается в статье 16 того же закона, где говорится, что карантин является дополнительной мерой [17]. Также, ограничения вводятся в соответствии с принципом целесообразности [23], следуя Сиракузским принципам [18].

Отсюда следует, что постулируемые идеалы не были нарушены в период введения чрезвычайного положения, поскольку оно было направлено лишь на ограничение передвижения граждан (что юридически предусмотрено в самой конституции), закрытие субъектов малого и среднего бизнеса. Таким образом, действия правительства в период чрезвычайного положения не были направлены на достижение личных интересов, подавление свободы и усиление собственного положения.

Заключение

Увеличение полномочий института президента в период чрезвычайного положения не несет себе негативной окраски, если уже после чрезвычайного положения народ как носитель суверенитета не воспротивился данным мерам, поскольку в противном случае (запрета на обсуждение/подавление инициатив по этому вопросу), граждане в полной мере могли бы действовать против суверена, поскольку он не только изменил условия общественного договора, но и действовал уже в личных интересах (а не общего блага). Однако отсутствие митингов по вопросам политики в сфере нормализации положения в государстве говорит о принятии гражданами нового общественного договора, сформировавшегося после чрезвычайного положения. Таким образом, создав новые условия для функционирования государства, правительство создало новые нормы, которые были приняты гражданами, о чем говорит сегодняшний status quo в вопросах коронавирусных ограничений.

Рассуждая в рамках подхода К. Шмитта, президент Касым-Жомарт Токаев обладал поддержкой среди населения как до введения чрезвычайного положения, так и после. Более того, именно принятие им чрезвычайного положения демонстрирует суверенитет государства и непосредственную независимость Казахстана, реализованную в лице президента. В условиях эпидемиологической и политической нестабильности президент продемонстрировал волю, реализовав новую «норму» для дальнейшей стабилизации эпидемиологической ситуации и недопущения политической турбулентности. Отсутствие митингов и действий, направленных вразрез с введенным на тот момент чрезвычайным положением, демонстрирует как принятие аргументации, предоставленной властями, так и принятие их действий легитимными и направленными на «благо населения» и сохранение государства в целом.

Список литературы:

1. Corradetti C., Pollicino O. The “War” Against Covid-19: State of Exception, State of Siege, or (Constitutional) Emergency Powers?: The Italian Case in Comparative Perspective. *German Law Journal*. – 2021. – Vol. 22. – № 6. – P. 1060-1071.
2. Salzani C. COVID-19 and State of Exception: Medicine, Politics, and the Epidemic State, The Paris Institute. [Электрон. ресурс]. – 2022. – URL: <https://parisinstitute.org/depictions-article-covid-19-and-state-of-exception-medicine-politics-and-the-epidemic-state/> (дата обращения: 10.01.2022).
3. Gamkrelidze T. COVID-19 in Georgia: State Emergency as Political Non-law and Its Impact on Pluralism. *Democracy and Security*. P. 1-23
4. Mészáros G. Carl Schmitt in Hungary: Constitutional Crisis in the Shadow of Covid-19. *Review of Central and East European Law*. 2021. Vol. 46. № 1. P. 69-90.
5. Agamben G. *State of exception*. Chicago: The University of Chicago Press, 2005. P.1
6. Rendón, C. La Separación de poderes en estado de excepción: (con motivo del COVID-19 en Ecuador). *Revista Facultad De Jurisprudencia*. 2020. Vol 8. P. 221-247.
7. Mouffe C. Introduction: Schmitt’s Challenge. *The Challenge of Carl Schmitt* / C. Mouffe. – London: Verso, 1999. – P. 1-6.
8. Шмитт К. Диктатура. Москва: Рипол-классик. – 2020. – С. 52.
9. McConkey M. Anarchy, Sovereignty, and the State of Exception: Schmitt's Challenge. *The Independent Review*. – 2013. – Vol. 17. – № 3. – P. 417.
10. Pan D. Carl Schmitt on Culture and Violence in the Political Decision. *Telos: Critical Theory of the Contemporary*. – 2008. – Vol. 142. – P. 65-66.
11. Gulli B. The Sovereign Exception: Notes on Schmitt’s Word that Sovereign is He Who Decides on the Exception. *Glossator: Practice and Theory of the Commentary*. – 2009. – Vol. 1. – P. 24.
12. Костогрызов П.И. Децизионизм в России: дореволюционные предшественники и современные интерпретаторы Карла Шмитта. Часть II // *Дискурс-Пи*. – 2021. – № 2. – С. 42.
13. De Angelis G., & de Oliveira E. COVID-19 and the “state of exception”: assessing institutional resilience in consolidated democracies – a comparative analysis of Italy and Portugal. *Democratization*. – 2021. – P. 1–2.
14. Заявление Главы государства Касым-Жомарта Токаева от 31 марта 2020 года (2020). Официальный сайт Президента Республики Казахстан. [Электрон. ресурс]. – 2022. – URL: https://www.akorda.kz/ru/speeches/internal_political_affairs/in_statements_and_congratulations/zayavlenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva (дата обращения: 10.01.2022).
15. Заявление Главы государства Касым-Жомарта Токаева от 27 апреля 2020 года. Официальный сайт Президента Республики Казахстан. [Электрон. ресурс]. – 2022. – URL: https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/akorda_other_events/zayavlenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-1 (дата обращения: 10.01.2022).

16. Заседание Совета Безопасности под председательством Первого Президента РК – Елбасы (2020). Официальный сайт первого Президента Республики Казахстан – Елбасы Нурсултана Назарбаева. [Электрон. ресурс]. – 2022. – URL: <https://elbasy.kz/ru/news/2020-04/zasedanie-soveta-bezopasnosti-pod-predsdatelstvom-pervogo-prezidenta-rk-elbasy> (дата обращения: 10.01.2022).
17. Закон Республики Казахстан «О чрезвычайном положении» (2022). Юрист. [Электрон. ресурс]. – 2022. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1036912 (дата обращения: 10.01.2022).
18. Сиракузские принципы толкования ограничений и отступлений от положений Международного пакта о гражданских и политических правах (1985). Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». [Электрон. ресурс]. – 2022. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/O8500000001> (дата обращения: 10.01.2022).
19. Волонтеры Алматы объединились для помощи в борьбе с COVID-19 (2020). Kazakhstan Today. [Электрон. ресурс]. – 2022. – URL: https://www.kt.kz/rus/society/covid-19_1377896082.html (дата обращения: 10.01.2022).
20. О проводимой работе Отраслевого профсоюза при ЧП по коронавирусу. Отраслевой профессиональный союз работников государственных, банковских учреждений и общественного обслуживания. [Электрон. ресурс]. – 2022. – URL: <https://clck.ru/aj57i> (дата обращения: 10.01.2022).
21. Полицейские и волонтеры проводят разъяснительную работу по ЧП в Кызылорде (2020). Единая платформа волонтеров. [Электрон. ресурс]. – 2022. – URL: <https://qazvolunteer.kz/ru/articles/yzylordada-politsiya-yzmetkerleri-men-volonterler-ttenshe-zhaday-turaly-khabardar-etude> (дата обращения: 10.01.2022).
22. АНК организована акция «Біз біргеміз!» по раздаче медицинских масок (2020). KazInform. [Электрон. ресурс]. – 2022. – URL: https://www.inform.kz/ru/ank-organizovana-aksiya-biz-birgemiz-po-razdache-medicinskih-masok_a3627921 (дата обращения: 10.01.2022).
23. Конституция Республики Казахстан. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». [Электрон. ресурс]. – 2022. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (дата обращения: 10.01.2022).
24. Стратегия «Казахстан-2050» (2012). Официальный сайт Президента Республики Казахстан. [Электрон. ресурс]. – 2022. – URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/strategies_and_programs (дата обращения: 10.01.2022).
25. Сегодня Глава государства Нурсултан Назарбаев принял участие в Международной научно-практической конференции, посвященной Дню Конституции Республики Казахстан. Официальный сайт Президента Республики Казахстан. [Электрон. ресурс]. – 2022. – URL: <https://clck.ru/aj5FQ> (дата обращения: 10.01.2022).

Н.М. Тернов

Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан

COVID-19 кезіндегі төтенше жағдайдың теориялық негіздері

Аңдатпа. 2020 жылдың басында штаттар бақылау орнатудың «соңғы құралы» ретінде төтенше жағдайды енгізді. Оның алдында ерекше жағдай болды - SARS-CoV-2 (немесе COVID-19) тез таралуы, ол әлеуметтік-саяси өлшемдегі бар консенусты әлсіретіп, мемлекетті төтенше жағдай режиміне көшуге мәжбүр етті. Жағдайды қалыпқа келтіру үшін.

Пандемия кезінде төтенше жағдайдың таралуын ескере отырып, белгілі неміс саяси философы, төтенше жағдай теоретигі Карл Шмиттің көзқарасы қарастырылды. Оның «Диктатура» және «Саяси теология» еңбектерінде қарастырылған категориялық аппаратқа сілтеме жасай отырып, Қазақстанда төтенше жағдай орнатудың ерекшеліктері зерттелді. Төтенше жағдайды енгізу кезінде мемлекет алдында тұрған негізгі міндеттер анықталды, олардың қатарында заңдылық, мұратқа сәйкестік, тиімділік мәселелері бар. Талдау көрсеткендей, 2020 жылы төтенше жағдай Карл Шмиттің көзқарасы тұрғысынан халық арасында ешбір қарсылыққа тап болып қана қоймай, саяси-философиялық мағынада Президенттің Егемен ретіндегі рөлін растады.

Түйін сөздер: Қазақстан, ерекше мемлекет, егемен, COVID-19, саяси философия.

N.M. Ternov

Siberian Institute of Management, Novosibirsk, Russia

Theoretical approaches to the emergency during COVID-19

Abstract. In the beginning of 2020, states imposed to the state of emergency as a "last mean" in establishing control. This was preceded by an exceptional case - the rapid spread of the SARS-CoV-2 virus (or COVID-19), which disrupted the existing consensus in the sociopolitical dimension, forcing the state to turn to the institution of the state of emergency to normalize the situation.

Taking into account the prevalence of the state of emergency during the pandemic, the approach of Carl Schmitt was considered, a well-known German political philosopher, the state of emergency theorist. Referring to the categorical apparatus provided by him in the works "Dictatorship" and "Political Theology", the features of establishing a state of emergency in Kazakhstan were studied. The key challenges facing the state during the introduction of a state of emergency were identified, among which are the issues of legality, compliance with the ideal, efficiency. The analysis shows that the state of emergency in 2020, in terms of the approach of Carl Schmitt, not only met with no objections among the population, but also confirmed the role of the President as the Sovereign in the political and philosophical sense.

Keywords: Kazakhstan, State of Exception, Sovereign, COVID-19, Political Philosophy.

References

1. Corradetti C., Pollicino O. The "War" Against Covid-19: State of Exception, State of Siege, or (Constitutional) Emergency Powers? The Italian Case in Comparative Perspective. *German Law Journal*. 2021. Vol. 22. No. 6. P. 1060-1071.
2. Salzani C. COVID-19 and State of Exception: Medicine, Politics, and the Epidemic State, The Paris Institute. Available at: <https://parisinstitute.org/depictions-article-covid-19-and-state-of-exception-medicine-politics-and-the-epidemic-state/> (accessed 10.01.2022).
3. Gamkrelidze T. COVID-19 in Georgia: State Emergency as Political Non-law and Its Impact on Pluralism. *Democracy and Security*. 2021. P. 1-23.

4. Emergency Powers and Covid-19 in Thailand: Carl Schmitt's Constitutional Emergency Model Reconsidered. *Jurnal Media Hukum*. 2021. Vol. 28. № 1. P. 1-14.
5. Agamben G. *State of exception*. Chicago: The University of Chicago Press, 2005. P.1
6. Rendón C. La Separación de poderes en estado de excepción: (con motivo del COVID-19 en Ecuador). *Revista Facultad De Jurisprudencia*. 2020. Vol 8. P. 221-247.
7. Mouffe C. Introduction: Schmitt's Challenge . *The Challenge of Carl Schmitt*. New York, Verso, 1999. P. 1-6.
8. SHmitt K. *Diktatura [Dictatorship]*. Ripol-klassik, Moscow, 2020. P. 52. [in Russian].
9. McConkey M. Anarchy, Sovereignty, and the State of Exception: Schmitt's Challenge. *The Independent Review*. 2013. Vol. 17. No. 3. P. 417.
10. Pan D. Carl Schmitt on Culture and Violence in the Political Decision. *Telos: Critical Theory of the Contemporary*. 2008. Vol. 142. P. 65-66.
11. Gulli B. The Sovereign Exception: Notes on Schmitt's Word that Sovereign is He Who Decides on the Exception. *Glossator: Practice and Theory of the Commentary*. 2009. Vol. 1. P. 24.
12. Kostogryzov P.I. Decizionizm v Rossii: dorevolucionnyye predshestvenniki i sovremennyye interpretatory Karla SHmitta. *CHast' II [Decisionism in Russia: pre-revolutionary and modern interpreters of Carl Schmitt. Part II] Diskurs-Pi. [Discourse-Pi] 2021. No. 2. P. 42, [In Russian]*.
13. De Angelis G., & de Oliveira E. COVID-19 and the "state of exception": assessing institutional resilience in consolidated democracies – a comparative analysis of Italy and Portugal. *Democratization*. 2021. P. 1–2.
14. Zayavlenie Glavy gosudarstva Kasym-ZHomarta Tokaeva ot 31 marta 2020 goda [Statement of the Head of State Kassym-Jomart Tokayev dated March 31, 2020] (2020). *Oficial'nyj sajt Prezidenta Respubliki Kazahstan [Official website of the President of the Republic of Kazakhstan]*. Available at: https://www.akorda.kz/ru/speeches/internal_political_affairs/in_statements_and_congratulations/zayavlenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva [in Russian], (accessed 10.01.2022).
15. Zayavlenie Glavy gosudarstva Kasym-ZHomarta Tokaeva ot 27 aprelya 2020 goda (2020) [Statement of the Head of State Kassym-Jomart Tokayev dated April 27, 2020]. *Oficial'nyj sajt Prezidenta Respubliki Kazahstan [Official website of the President of the Republic of Kazakhstan]*. Available at: https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/akorda_other_events/zayavlenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-1 [in Russian], (accessed 10.01.2022).
16. Zasedanie Soveta Bezopasnosti pod predsedatel'stvom Pervogo Prezidenta RK – Elbasy (2020) [Meeting of the Security Council chaired by the First President of the Republic of Kazakhstan – Elbasy]. *Oficial'nyj sajt pervogo Prezidenta Respubliki Kazahstan – Elbasy Nursultana Nazarbaeva [Official website of the first President of the Republic of Kazakhstan - Elbasy Nursultan Nazarbayev]*. Available at: <https://elbasy.kz/ru/news/2020-04/zasedanie-soveta-bezopasnosti-pod-predsedatelstvom-pervogo-prezidenta-rk-elbasy> [in Russian], (accessed 10.01.2022).

17. Zakon Respubliki Kazahstan «O chrezvychajnom polozhenii» (2022) [Law of the Republic of Kazakhstan "On the state of emergency"]. Yurist [Lawyer]. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1036912 [in Russian], (accessed 10.01.2022).
18. Sirakuzskie principy tolkovaniya ogranichenij i otstupenij ot polozhenij Mezhdunarodnogo pakta o grazhdanskih i politicheskikh pravah (1985) [Siracusa Principles for the Interpretation of Limitations and Derogations from the International Covenant on Civil and Political Rights]. Informacionno-pravovaya sistema normativnyh pravovyh aktov Respubliki Kazahstan «Adilet» [Information and legal system of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan "Adilet"]. Available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/O8500000001> [in Russian], (accessed 10.01.2022).
19. Volontery Almaty ob"edinilis' dlya pomoshchi v bor'be s COVID-19 (2020) [Almaty Volunteers Unite to Help Fight COVID-19]. Kazakhstan Today. Available at: https://www.kt.kz/rus/society/covid-19_1377896082.html [In Russian], (Accessed 10.01.2022). Koronavirus: kak reagiruyut na chrezvychajnoe polozhenie volontery regionov (2020) [Coronavirus: how regional volunteers react to the state of emergency]. KazInform. Available at: https://www.inform.kz/ru/koronavirus-kak-reagiruyut-na-chrezvychajnoe-polozhenie-volontery-regionov_a3626755 [in Russian], (accessed 10.01.2020).
20. O provodimoy rabote Otrasleyvogo profsoyuza pri CHP po koronavirusu(2020) [On the ongoing work of the Sectoral Trade Union during the state of emergency due to coronavirus]. Otrasevoj professional'nyj soyuz rabotnikov gosudarstvennyh, bankovskih uchrezhdenij i obshchestvennogo obsluzhivaniya [Branch trade union of employees of state, banking institutions and public services]. Available at: <https://clck.ru/aj57i> [in Russian], (accessed 10.01.2022).
21. Politsijskie i volontery provodyat raz'yasnitel'nyuyu rabotu po CHP v Kyzylorde (2020) [Police officers and volunteers carry out explanatory work on the state of emergency in Kyzylorda]. Edinaya platforma volonterov [Unified platform of volunteers]. Available at: <https://qazvolunteer.kz/ru/articles/yzylordada-politsiya-ymetkerleri-men-volonterler-ttenshe-zhaday-turaly-khabardar-etude> [in Russian], (accessed 10.01.2022).
22. ANK organizovana akciya «Biz birgemiz!» po razdache medicinskih masok (2020) [APK organized the action "Biz Birgemiz!" distribution of medical masks]. KazInform. Available at: https://www.inform.kz/ru/ank-organizovana-akciya-biz-birgemiz-po-razdache-medicinskih-masok_a3627921 [in Russian], (accessed 10.01.2022).
23. Konstituciya Respubliki Kazahstan (1995) [Constitution of the Republic of Kazakhstan]. Informacionno-pravovaya sistema normativnyh pravovyh aktov Respubliki Kazahstan «Adilet» [Information and legal system of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan "Adilet"]. Available at: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ [in Russian], (accessed 10.01.2022).
24. Strategiya «Kazahstan-2050» (2012) [Strategy "Kazakhstan-2050"]. Oficial'nyj sajt Prezidenta Respubliki Kazahstan [Official website of the President of the Republic of Kazakhstan]. Available at: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/strategies_and_programs [in Russian], (accessed 10.01.2022).
25. Segodnya Glava gosudarstva Nursultan Nazarbajev prinyal uchastie v Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj Dnyu Konstitucii Respubliki Kazahstan (2012) [Today, Head of State Nursultan Nazarbajev took part in the International

Scientific and Practical Conference dedicated to the Constitution Day of the Republic of Kazakhstan]. Oficial'nyj sajt Prezidenta Respubliki Kazahstan [Official website of the President of the Republic of Kazakhstan]. Available at: <https://clck.ru/aj5FQ> [in Russian], (accessed 10.01.2022).

Информация об авторе:

Тернов Николай Максимович – ассистент кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества Сибирского института управления - филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Россия.

Ternov Nikolai Maksimovich – Assistant of the Department of International Relations and Humanitarian Cooperation of the Siberian Institute of Management - a branch of the Russian Academy of National Economy and State Administration under the President of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia.